

О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИКОВ КАК ОБ УГРОЗЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА ГОСДУМЫ РФ ПО БЕЗОПАСНОСТИ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ

Николай Дмитриевич Ковалев

Нас часто завораживают страшные цифры о незаконном обороте наркотиков, наркоманах, количестве преступлений, ими совершенных, и т.п., приводимые авторами многих научных и публицистических работ.

Однако мне представляется, что нет необходимости доказывать актуальность проблемы незаконного оборота наркотиков иллюстрацией количества совершенных преступлений, связанных с наркотиками. Простой количественный подход, на мой взгляд, во многом себя изжил, что вполне легко показать на следующих примерах.

Так, в США ежегодно регистрируется столько правонарушений, связанных с наркотиками, сколько в России совокупно в течение десяти лет. В то же время в России ежегодно фиксируется столько указанных деяний, сколько в Японии за период 36 лет. Однако в Японии годовая наркостатистика сопоставима с пятилетней в Польше и т.д.

Между тем Америка, где властями фиксируется свыше миллиона ежегодных наркопреступлений, признается преуспевающей нацией, а Россия, в которой та же категория незаконных деяний в 2000 году перевалила отметку 240 тыс., с некоторых пор из круга благодествующих (в этой области) субъектов мирового сообщества временно выпала. Однако и в нашей стране, и в Соединенных Штатах, и в Японии, и в Польше, и во многих других странах проблема наркотиков вполне оправданно признается одной из первостепенных.

По признанию экспертов Программы ООН по международному контролю за наркотиками (ЮНДКП), несмотря на координацию усилий и принимаемые меры, международному сообществу не удастся пока переломить глобальную наркоситуацию к лучшему. Получаемые ООН статистические данные свидетельствуют о неуклонном росте в мире незаконного оборота нарковеществ, приобщения все большего числа людей к употреблению наркосредств. Так, в 2000 году наркотики

употребляли 180 млн. человек, т.е. 3 процента населения земного шара. Самым распространенным нарковеществом остается cannabis (каннабис), проще говоря, гашиш (марихуана), который употребляют 144 млн. человек, затем следуют стимуляторы амфетаминового ряда – 28,7 млн. человек, кокаин – 14 млн. человек и опиаты – 13,5 млн. человек, из них 9,2 млн. употребляют героин.

В целом наркоторговля оценивается в 400 млрд. долларов США, что составляет порядка 8 процентов всего мирового товарооборота.

Другой пример. Если взять статистику ООН о доле населения планеты, злоупотребляющего наркотиками, то выяснится, что на конец мая 2001 года в России, в сравнении со всеми остальными государствами мира, наркоситуация в 259 раз мягче! Более того, в сравнении с 1999 годом она чуть ли не в 2 раза стала «лучше». По препаратам из конопли указанная разница составляет 83 раза, амфетамин – 143 раза, а кокаину – 810 раз. Правда, по героину у нас разрыв стал минимален – 2,7 раза.

Несмотря на вроде бы такую «благополучную» наркообстановку, и российское общество, и государство бьют настоящую тревогу!

И я полностью разделяю эту озабоченность. Что же нам теперь – ожидать, когда цифры отечественной уголовной и медицинской статистики приблизятся к мировым, а Россия превратится в гигантский наркопритон?

За примерами далеко ходить не надо, это уже случилось с большинством суверенных территорий планеты. Следование формальным глобальным ориентирам себе дороже выйдет.

Но если традиционный подход в оценке незаконного оборота наркотиков по наркопреступности видится устаревшим, то на какие же составляющие наркобизнеса обращают внимание наши ведущие зарубежные коллеги?

В настоящее время лидирующими показателями противостояния незаконному обороту наркотиков стали:

- объемы судебных конфискации преступно нажитого имущества (денег, сокровищ, недвижимости);
- выявление фактов коррупции и отмывания финансов в банках;
- изъятие у криминальных синдикатов наркотиков, оружия, различной техники (средств передвижения, электронного оборудования).

У нас же по-прежнему в оперативных сводках и отчетах о борьбе с незаконным оборотом наркотиков в России на первое место традиционно выпячиваются количественные показатели наркопреступности, а качественные, к примеру, конфискации, коррупция, – остаются в тени.

Нельзя не упомянуть и другие важные характеристики, а именно:

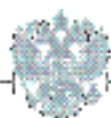
- историческая обусловленность данной проблемы;
- современное состояние наркобизнеса, осуществляемого преступными группами;
- маргинализация (вне социальных групп) населения;
- обострение этнической наркопреступности;
- контрабанда наркотиков;
- влияние коммуникативных источников информации на формирование наркопсихологии молодежи России.

Многие аспекты наркоситуации в России убедительно разъясняются социологами, педагогами, медиками, экономистами, другими специалистами.

Я же затрону следующие важные, как мне представляется, моменты незаконного оборота наркотиков – это его финансовая база, связь с терроризмом и коррупцией, законодательное обеспечение.

Упомянув о финансовой основе наркобизнеса в России, нельзя не отметить, что картина с изъятием и конфискацией преступно нажитого имущества у доморожденных наркобаров куда как неприглядная. Согласно расчетам, на изобличение и осуждение одного сбытчика наркотиков мелкого пошиба государственный бюджет через соответствующие ведомства затрачивает около 30 000 руб. (1 000 долл. США).

По данным правоохранительной статистики, в среднем на одно уголовное дело приходится 25 долл. США изъятых материальных ценностей и средств. Судами же конфискуется и того меньше. Как сообщил в Государственной Думе на недавнем «Правительственном часе»

Б.В. Грызлов, министр внутренних дел, в отношении 27 тыс. осужденных за наркопреступления, по которым предусматривалась конфискация, этот дополнительный вид наказания применялся только в одном случае из каждых девяти.

Иными словами, выходит, что государственный бюджет как бы инвестирует незаконный оборот наркотиков в России. И, похоже, это действительно так, ибо доходы наркобизнеса в России превышают, например, бюджет МВД России в несколько раз.

Но есть у данного критерия и другая сторона медали. Судьи сетуют, что конфисковать нечего, поскольку к уголовной ответственности привлекаются главным образом потребители наркотиков, наркоманы. Кроме того, как следует из данных судов Астраханской, Новосибирской, Саратовской областей, Ставропольского края, других мест, известны немало ситуаций, когда подозреваемый (обвиняемый) называл конкретные места приобретения наркотиков, что не влекло за собой реакции правоохранения. То есть сбытчики этого дорогостоящего яда и их неправомерно нажитое имущество оставались вне зоны внимания государства.

Например, в 2000 году к административной и уголовной ответственности были привлечены более 285 тыс. человек. Из них потребителями наркотиков признаны 168,1 тысячи, или 58,9%. Понятно, что у последней категории участников незаконного оборота наркотиков тех денег, которые организаторы наркобизнеса отняли у российского общества, не вернуть.

Поэтому мне бы хотелось особенно подчеркнуть, что лишение финансовой опоры организаторов наркобизнеса играет исключительно важную роль в деле борьбы с внутренним и международным терроризмом, так как обнаружилась *тесная связь между незаконным оборотом наркотиков, терроризмом и сепаратизмом*.

Благодаря большим деньгам, получаемым от торговли наркотиками, происходит финансовое обеспечение террористических актов, закупается оружие и многое другое для боевиков, имеются деньги для подкупа недобросовестных чиновников.

Конкретную реализацию обозначенная взаимосвязь получила в ходе развития идеи о допустимости использования методов наркобизнеса и терроризма в целях подкрепления сепаратистских тенденций и утверждения религиозного экстремизма в противовес федеративной целостности государства и конфессиональной терпимости населения нашего Отечества. За рубежом еще лет 15 тому назад по этому поводу была разработана специальная теория о наркотерроризме. В России же указанной темой пока еще занимаются недостаточно, ряд работ известен только узкому кругу специалистов.

Немало правительств мира, которые прежде финансировали и иным образом поддерживали террористические и повстанческие группировки, от подобной практики по разным причинам отказались. Конкретный пример – Усама бен Ладен. Широко известно о его контактах с ЦРУ США. Когда он стал неуправляем, то оказался опасен.

В итоге люди, наподобие бен Ладена, вынуждены искать средства для продолжения реализации своих экстремистских амбиций. Отсюда образовались предпосылки слияния интересов организованной преступности и террористов. Первым надо освоить методы террора либо нанять боевиков для достижения своих целей (например, легализация или облегчение практики извлечения сверхдоходов). Вторым необходимо получить от криминальных нуворишей деньги, оружие, боеприпасы, социальную поддержку и т.п. для использования в собственных интересах.

Наиболее прочным преступный альянс может стать в случае совпадения основных мотивов и стратегий в достижении поставленных наркомафией и террористами целей. Например, в ряде стран Южной Америки террористов (повстанцев, партизан) не устраивает проамериканская направленность внешней политики национальных правительств. Это же не устраивает и могущественный картель Кали (а прежде – Медельинский картель), поскольку администрация США препятствует мировой торговле кокаином.

Вследствие этого и произошло тесное объединение усилий обеих незаконных структур (цель – насильственное и прикрытое псевдодемократическими лозунгами смещение властвующих ныне правительств в некоторых государствах Южноамериканского континента. Или, наоборот, финансовое поддержание тех из них, которые обеспечивают международную и внутреннюю защиту преступным наркообществам).

Схожие процессы разворачиваются и в Чеченской Республике. Хотя, наверное, первый задокументированный факт индивидуального наркотерроризма имеется в фондах Государственного архива и датируется 1965 годом. Тогда некто Прыгунков Н.М., 17 лет от роду, в состоянии наркотического опьянения поджег документы участковой избирательной комиссии Москворецкого района г. Москвы.

К событиям такого же порядка следует отнести взрыв наркологического диспансера Краснодарского края в 1986 г., а равно одиночные и групповые попытки угонов наркоманами воздушных судов, захвата заложников и т.п. террористические акты.

В наши дни наркотерроризм в России приобрел большую масштабность и социальную опасность, трансформируясь в серьезную национальную угрозу. Повторюсь, это, в частности, ярко видно на чеченском примере. Как свидетельствуют различные оперативные источники, чеченские боевики вступили во взаимовыгодный альянс с транснациональной наркопреступностью, включая талибов, и приняли участие в глобальном распространении героина и кокаина. На вырученные от наркобизнеса деньги осуществлялись закупка боевого вооружения, военной техники, продовольствия, оплата наемников и др.

Что же касается намечающейся и уже кое-где реализующейся связи организованной преступности и террористов, то здесь акты наркотерроризма фиксируются именно в случаях ущемления финансовых интересов криминальных сообществ.

К сожалению, в Российской Федерации ни один из проинтервьюированных экспертов из числа начальствующего и руководящего составов, специализирующихся на борьбе с наркобизнесом, не оказался в состоянии разъяснить проблему наркотерроризма как комплексное явление, хотя все опрошенные подтвердили наличие фактов использования денег, вырученных от торговли наркотиками, на осуществление довольно широкого круга преступлений, связанных с терроризмом.

Между тем в зарубежной полицейской практике и деятельности спецслужб эта проблема сегодня специально контролируется созданными для этого организационными структурами в системе правоохранительных органов и спецслужб.

Комплекс вопросов наркотерроризма находился в центре внимания Всемирной конференции ООН на уровне министров по организованной транснациональной преступности (Неаполь, 21–23 ноября 1994 г.) и на IX Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Кипр, 29 апреля – 5 мая 1995 г.).

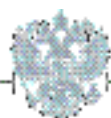
Однако международный терроризм и транснациональный наркобизнес были бы ничтожны без скрепляющего их мощь третьего явления – коррупции.

Приведу некоторые выводы из доклада «Российская организованная преступность: вызов Путину», подготовленного вашингтонским Центром стратегических и международных исследований.

По мнению его авторов, вина за разрастание преступности и коррупции в России частично лежит на странах Запада, в том числе США, так как администрация этого государства не проявила своевременного и должного внимания к данной проблеме и не оказала России необходимой в этом случае международной помощи.

Проведенные в России исследования показывают, что основной социальной причиной взрывоопасной связки из коррупции, наркобизнеса и терроризма является жажда обогащения. Колоссальные деньги, вырученные от незаконного оборота наркотиков, организованная транснациональная преступность и международные террористы в союзе с российскими криминальными сообществами и террористами успешно действуют в национальной государственной и политической сфере. Постепенно эта методика охватывает все большие круги населения.

Согласно исследованиям среди несовершеннолетних г. Москвы, проведенным ВНИИ МВД России по заказу Городского центра «Дети улиц», в каждых 140 случаях из 1000 несовершеннолетним правонарушителям удалось избежать правовой ответственности благодаря именно даче взятки государственному служащему, исполнению какой-то личной просьбы чиновника взамен наступающих юридических последствий по факту участия подростка в незаконной деятельности, связанной с наркотиками. Эти данные коррелируются с ответами детей на вопрос, какова основная причина начала потребления наркотиков несовершеннолетними. Каждый 148 подростков из 1000 убеждены, что правовой ответственности в случае участия в незаконном обороте наркотиков удастся благополучно избежать.

Опросы, проведенные среди экспертов из 18 субъектов Российской Федерации, обнаружили значительную степень коррумпированности администрации регионов, судей, адвокатов (выступающих посредниками во взяточничестве), милиции, таможенников и других категорий государственных служащих. Около 87% от числа всех опрошенных прямо указали на те или иные реально существовавшие случаи коррупции в сфере незаконного оборота наркотиков.

Названные и другие негативные обстоятельства дают основание отнести проблему коррупции в России к такой мощной социальной составляющей угрозы незаконного оборота наркотиков, которая представляет для национальной безопасности не только внутреннюю, но и внешнюю опасность. Ибо наркотики, используемые в одном сценарии вместе с коррупцией и терроризмом, стали серьезными рычагами раскачивания целостности страны.

При этом надо отчетливо понимать, что прежде в нашем государстве десятилетиями существовал «железный занавес» и нация со всеми своими проблемами «варилась» в собственном соку. Сегодня в силу прозрачности границ, становления открытого гражданского общества Российская Федерация в состоянии как впитывать в себя опыт наркобизнеса и терроризма извне, так и экспансировать оба эти явления, а равно пропускать через себя их транзит в мировое сообщество, в первую очередь – страны ЕС.

Другими словами, чем интенсивнее и надежнее национальная безопасность Российской Федерации начнет обеспечиваться от угрозы незаконного оборота наркотиков, терроризма, коррупции, тем благополучнее станут складываться парадигмы всех названных проблем в зарубежных государствах, и наоборот. Поэтому мы рассчитываем на взвешенное понимание зарубежными партнерами сложившейся у нас крайне сложной обстановки, отмену двойных стандартов в области противодействия незаконному обороту наркотиков, терроризму, коррупции и развитие обоюдно выгодного разностороннего взаимодействия по данным вопросам.

Российская правовая система контроля над оборотом и потреблением наркотиков – распространением наркотиков – складывалась в течение нескольких веков. Апогея эффективности, отвечающего общественно-политическому моменту времени, она достигла на закате существования советской России, в преддверии перестройки.

В настоящее время в Российской Федерации действует более 60 федеральных законов (включая кодексы), свыше 100 постановлений Государственной Думы, более 180 указов Президента и постановлений Правительства, где затрагивается принятая к анализу тема.

Ведомственные нормативные акты, регулирующие тот же вопрос, близки 700 наименованиям. Международные договоры с участием России превышают две сотни.

Принимая во внимание обилие рассматриваемых документов, целесообразно остановиться на ключевой проблеме, которая образовалась в области законодательного контроля над наркотиками. Это противоречия, накопившиеся в действующей системе российского права.

Тема эта длинная, поэтому я обращаю ваше внимание только на особую юридическую силу *Конституции*. Это означает, что она в целом и ее отдельные нормы обладают верховенством над законами и иными нормативными правовыми актами; последние должны исходить из Конституции и не противоречить ей.

Законы и подзаконные акты, не отвечающие неоспоримым установкам Конституции, не имеют юридической силы. Причем соответствовать Конституции должны не только акты федерального законодательства, но и акты органов государственной власти субъектов Федерации, а также органов местного самоуправления. Конституция, распространяя свое действие на всю территорию Российской Федерации, олицетворяет собой государственную целостность, единство системы государственной власти.

К сожалению, то, что написано в теории, очень часто отсутствует на практике. К примеру, в Федеральном законе «О наркотических средствах и психотропных веществах» 1998 г. вводится термин, отсутствующий в пункте «м» ст. 71 Конституции. Как известно, в Основном Законе зафиксировано слово *наркотическое средство*, в то время как в указанном федеральном законе ведется речь о *наркотических средствах и психотропных веществах*.

Следовательно, несмотря на очерченный этим федеральным законом порядок действий, связанных с психотропными веществами, получается, что федеральные власти согласно Конституции не уполномочены контролировать производство и использование названных

препаратов в субъектах Российской Федерации. По юридической силе установки Основного акта законы перекрывают полномочия федерального законодательства.

Конвенции 1961, 1971 и 1988 гг. утвердили в международной правовой системе, как мы помним, два термина: *наркотические средства* и *психотропные вещества*. Подчеркнем, что большинство ныне действующих федеральных законов второе понятие опускают.

Так, в Гражданском кодексе Российской Федерации используется только понятие *наркотические средства*, например, ст. 30 ГК РФ.

Наоборот, в Уголовном кодексе Российской Федерации используются сверх международных стандартов (ратифицированных, кстати, Российской Федерацией) не разъясненные в отечественном праве понятия.

К ним относятся:

– *сильнодействующие вещества* – ст. 234 УК РФ «Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ»;

– *одурманивающие вещества* – ст. 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий».

Выходит, что действующее федеральное законодательство либо вступает в противоречие с Конституцией, либо с международными договорами, либо и с Основным Законом, и с международным правом.

И несоответствий такого рода множество. Для примера остановимся на статье 44 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, которой прописан один термин *наркотические средства*. Соответственно действия правонарушителей, допустивших хранение и приобретение психотропных веществ, не квалифицируются с административно-правовых, профилактических позиций, а влекут сугубо уголовную ответственность.

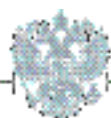
В статье 69 Семейного кодекса Российской Федерации разговор ведется о *лишении родителей или одного из них родительских прав, если они (он, она) являются больными хронической наркоманией*.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» *наркомания* – заболевание, обусловленное зависимостью от наркотического средства или психотропного вещества. Между тем, как отмечалось прежде, ст. 151 УК РФ оговаривает ответственность за действия, связанные с одурманивающими веществами, а ст. 234 УК РФ – сильнодействующими веществами. Злоупотребление указанными препаратами вызывает зависимость, именуемую в медицине *токсикоманией*. Как мы видим, названное понятие вновь напрямую связано с действующим в России понятийным аппаратом.

Ни в одном из действующих федеральных законов меры контроля над токсикоманией конкретно не предусмотрены. Следовательно, ст. 69 СК РФ не в силах препятствовать злоупотреблению родителями сильнодействующими или одурманивающими веществами, лишать их родительских прав. К слову, зарубежная практика ориентируется на какой-либо один из обсуждаемых терминов – наркоманию либо токсикоманию. До определенных времен в России использовался один термин – наркомания.

Несоответствия правовых установок отслеживаются во многих других случаях, из которых особую заботу федеральных властей вызывает соответствие законов субъектов Российской Федерации Основному Закону и федеральным законам. Ведь правоохранные органы и спецслужбы, судебная власть, граждане, адвокаты ориентируются в своей деятельности на федеральный стандартизированный понятийный аппарат, что не всегда присутствует в нормативных правовых актах местных органов власти. В этом смысле законы субъектов Российской Федерации в ряде случаев не выдерживают критики. В них используется отличная от федерального законодательства терминология, что совершенно не допустимо.

Только один пример. В Законе Волгоградской области от 16 августа 1999 года № 293-ОД «О профилактике наркомании и токсикомании на территории Волгоградской области» в статье разъясняется понятие: *наркомания* – «заболевание, обусловленное болезненным, непреодолимым влечением к употреблению наркотиков в связи с психической и физической зависимостью от них». Однако в статье 1 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», утвержденного Президентом Российской Федерации за три месяца до выхода в свет анализируемо-

го регионального закона, излагается иная дефиниция данного понятия. *Наркомания – заболевание, обусловленное зависимостью от наркотического средства или психотропного вещества.*

В какой-то части выявленной терминологической разногласии на местах способствуют сами федеральные ведомства. К примеру, Министерством образования и Министерством здравоохранения в ведомственные нормативные акты активно внедряется термин *психоактивные вещества*, который отсутствует в федеральном законодательстве.

Таким образом, несогласованность понятийного аппарата обнаруживается на разных уровнях правовой системы Российской Федерации. От норм Основного Закона до норм законов субъектов Российской Федерации.

Поучительно вспомнить, что в советском, а того раньше – монархическом праве России федеральные и местные законодатели весьма щепетильно и с большой государственной ответственностью относились к понятийному аппарату, используемому в законах. Единообразие понятий признавалось одним из оплотов власти в центре и на местах. Аналогичная практика стандартизирована в развитых зарубежных государствах.

Не исключено, что терминологическая разногласия, сложившаяся за последние 11 лет в постсоветской России, вызвана не только невысоким профессионализмом участников законотворчества. В данном случае допустимы гипотезы о причинах иного свойства, а именно о своеобразной форме саботажа в продвижении России по новому пути развития.

Представляется, что законодательная работа в Государственной Думе в области контроля над наркотиками могла бы начаться именно с упорядочения основных понятий, применяемых в действующих федеральных законах и законах субъектов Российской Федерации. Устранение громоздкости синонимичных друг другу терминов, приведение их в единую систему соотносимых друг с другом слов по всей территории государства, на наш взгляд, заслуживает внимания и вполне отвечает требованиям Концепции национальной безопасности в Российской Федерации.

Решение этой задачи целесообразно осуществлять на основе разработки проекта федерального закона, который условно можно было бы назвать «Об основах контроля над наркотиками в Российской Федерации». Для участия в его подготовке потребуется привлечение высококвалифицированных специалистов из разных отраслей знания.

Некоторые предложения

В непростых условиях социально-экономических и политических преобразований, происходящих в России, вряд ли уместно предъявлять большие претензии руководству государства о недостаточности внимания, уделяемого проблеме наркотиков.

Однако на сегодня угроза безопасности личности, обществу и государству от незаконного оборота наркотиков столь очевидна, что вызывает необходимость незамедлительно принятия к ним комплекса крупных мер. Вплоть до радикальных, заведомо не популярных в определенных кругах отечественной и зарубежной общественности.

Остановлюсь на таких шагах, как меры правового, управленческого и материально-технического характера.

1. Меры правового характера заключаются в приведении российских норм различных отраслей права (гражданского, семейного, трудового, административного, уголовного и др.), регулирующих те или иные аспекты противодействия наркомании и наркобизнесу, в соответствие друг другу: между Конституцией и международными договорами; федеральными законами и Конституцией; федеральными законами и международными договорами; федеральными законами между собой; законами субъектов Российской Федерации и федеральными законами, Конституцией.

2. Меры управленческого характера. Назовем наиболее приоритетную из них. Это перевод антинаркотической политики государства из-под правительственной опеки в ведение Администрации Президента Российской Федерации.

Правительственная Комиссия по противодействию злоупотреблению наркотиками и их незаконным оборотом, созданная в 1994 г., осуществила немало полезных мероприятий в области национального и международного контроля над наркотиками. Но координирующая составная антинаркотической политики в России оставляет желать лучшего. И лишь власть Президента Российской Федерации в состоянии здесь свести все концы с концами. К примеру, в США указанный подход в течение прошедших 15 лет вполне себя оправдал.

3. Меры материально-технического характера. В данном случае имеются в виду штатная численность правоохранительных органов (спецслужб), занятых борьбой с незаконным оборотом наркотиков, а также их материально-техническая оснащенность.

Кадровые ресурсы противостояния наркобизнесу, приобретшему устойчивые характеристики внешней угрозы, исчерпаны в сугубо количественном подходе к этой теме. На сегодняшний день в Главном управлении по борьбе с незаконным оборотом наркотиков МВД России трудится 7,6 тыс. сотрудников. Можно их численность довести и до 10, и до 20 тысяч, был бы от того толк. В Агентстве по соблюдению законодательства о наркотиках Минюста США – ДЕА, в чем-то аналогичном российскому ГУБНОУ, в 1999 г. служили 9132 человека при населении страны в два раза большем, чем Россия. Однако высокое финансовое и материально-техническое обеспечение указанной федеральной службы, помогающее ей жесткое антинаркотическое законодательство позволяют иметь результаты, не сравнимые с отечественными. Особенно в сфере подрыва экономической мощи организаторов незаконного оборота наркотиков.

Не хочу предлагать готовых решений, но, возможно, качество работы российских антинаркотических подразделений повысится при повышении их статусного уровня.

Не менее запущен вопрос материально-технического обеспечения органов правоохранения (спецслужб), о чем уже говорилось выше. В частности, структуры криминальной милиции, занятые в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков, от 50 и ниже процентов не укомплектованы положенной им техникой и другими материальными ресурсами.

Оставляет желать лучшего вопрос финансового обеспечения. Здесь пора делать упор на необходимость увеличения заработной платы государственных служащих относительно хотя бы среднего уровня жалования, выплачиваемого частными предпринимателями. Что касается подхода к этому вопросу в дальнем зарубежье, то об этом прекрасно написано в «Декларации о полиции», принятой 8 мая 1979 года на 31-й сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы.

Так, согласно положению Декларации Совета Европы о полиции, милиционер (полицейский) имеет право на повышенную заработную плату с учетом особенностей несения службы, таких, как чрезмерный риск и ненормированный рабочий день. В пределах постсоветского пространства озвученный европейский стандарт реализован в редких случаях, в частности, в государствах Балтии.

Иными словами, в настоящее время правовая, управленческая и материально-техническая составляющие противодействия незаконному обороту наркотиков и наркомании не адекватны степени остроты наркоситуации в Российской Федерации.

Приведение же описанных выше мер в соответствие с потребностями дня может стать серьезным основанием для сокращения напряженности в обществе, связанной с наркоманией и наркобизнесом.

Надеюсь, что прочтение настоящей статьи расширит представления заинтересованного читателя в уяснении степени угрозы национальной безопасности и целостности России от незаконного оборота наркотиков.